

Дж. Х. Кармышева

КАЗАХСТАНСКИЙ ИСТОРИК-КРАЕВЕД И ЭТНОГРАФ КУРБАНГАЛИ ХАЛИДИ

Курбангали Халиди

За последние два десятилетия в связи с развертыванием этнографических исследований в Средней Азии и Казахстане из дня в день расширяется круг не только полевых этнографических материалов, но и литературных источников. Извлекаются из архивов и библиотек неизвестные или малоизвестные записки, сочинения, забытые имена находят свое место в науке. К числу таких незаслуженно забытых имен относится имя казахстанского историка и этнографа Курбангали Халиди (Халид углы), имеющего немалые заслуги в изучении дореволюционной истории и этнографии казахов и ряда других народов Средней Азии, Казахстана и Восточного Туркестана. Им написаны два интереснейших сочинения, изданные в Казани: «Тарих-и джарида-йи джадид» — «Новые исторические записки» (1889 г.), «Таварих-и хамса-йи шарки» — «Очерки истории пяти восточных народов» (1910 г.).

Курбангали Халиди не упомянут даже в обстоятельном труде Э. А. Масанова «Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР» (Алма-Ата, 1966). Основной причиной неизвестности этого автора надо считать чрезвычайную трудность языка его сочинений.

Язык «Таварих-и хамса-йи шарки» — турецкий с элементами татарского и староузбекского (чагатайского) языков. Это обстоятельство, усугубленное крайней насыщенностью текста арабизмами, приводит к тому, что книгу трудно читать без специальной подготовки.

Автор настоящей статьи ставит своей задачей обратить внимание специалистов на сочинения Курбангали Халиди, являющиеся важным историческим источником.

Биографические сведения о Курбангали Халиди разбросаны отдельными крупинками в его книгах и рукописях. Ряд фактов, дополняющих и уточняющих биографию этого ученого, был любезно сообщен нам тестем его внука Масуда Халиди Мухамеджаном Юсуповым. Он же подарил нам сохранившуюся у него фотографию К. Халиди. Автор считает приятным долгом выразить М. Юсупову свою глубокую благодарность.

Курбангали Халиди родился в ноябре 1846 г. в г. Аягузе (Семипалатинская область Казахской ССР) в семье торговца-татарина Халида, уроженца с. Урнаш-баши Казанского уезда. Мать его Биби-Афифа —

уроженка этого же села. В рукописях К. Халиди значится, что среди его предков был туркмен-баба (дед-туркмен)¹.

Халид смолоду вел торговлю с казахами. В дальнейшем он обосновался в Аягузском округе, где и родился Курбангали. Прожив в Аягузе около 30 лет, семья переехала на пограничную заставу Бахты, а затем в китайский город Чугучак — центр Тарбагатайского округа провинции Синьцзян².

Отца своего, прожившего более ста лет, Курбангали Халиди характеризует как человека широкой натуры, деятельного и весьма любознательного. Он пишет: «Так как переселение отца к казахам произошло немного спустя после смерти Аблай-хана, и близко к дням правления Абульфеиз-хана, то он видел жизнь казахов до присоединения их к России, знал деяния туркестанских и ферганских ханов, наместников, беков. Обо всем этом он подробно рассказывал нам. И мы позволили себе поместить в соответствующих местах наших очерков сообщенные им сведения»³.

Курбангали учился сначала в Аягузском медресе (построенном в 1850-х годах петропавловским купцом Муртаза Максудовым)⁴, затем в одном из семипалатинских медресе. Здесь он овладел арабским, персидским и турецким языками, что помогло ему в дальнейшем изучении истории, особенно восточных стран. Хотя в то время в медресе преподавались в основном религиозно-схоластические дисциплины, Курбангали сумел благодаря своим способностям и устремлениям получить известные знания и в области светских наук. Но тем не менее эта односторонность образования ограничивала его идейный кругозор и не позволяла ему подняться до понимания подлинной сущности происходящих на его глазах социальных процессов.

Кроме родного, татарского, Курбангали хорошо знал среднеазиатские тюркские языки, а казахским (возможно и уйгурским) владел в совершенстве. Об этом свидетельствуют приводимые в его работах многочисленные материалы по казахскому языку и образцы устного народного творчества. Судя по некоторым материалам в «Таварих-и хамса», Курбангали знал также русский разговорный язык, но грамотой русской, по видимому, не владел.

¹ Научная библиотека Академии наук Казахской ССР, рукописный фонд, д. 1439/1, л. 131 об.

² Чугучак, основанный, судя по преданиям, в начале второй половины XVIII в., после уничтожения китайцами Джунгарского ханства, в XIX в. стал играть важную роль в торговле между Китаем, Казахстаном и Средней Азией, а вскоре и в торговле между Китаем и Россией. В 1852 г. в нем открылась русская фактория, а с 1853 г. — русское консульство. Китайское и дунганское население Чугучака проживало в центре города, окруженном крепостной стеной. Выходцы из Средней Азии (в основном узбеки из Бухарского и Кокандского ханств) обосновались за городской стеной на отведенном им участке. Русские подданные (в основной массе купцы из татар, русских и т. д.) останавливались в русской фактории, расположенной близ узбекской слободы «Сарт-курган». Казахские роды начали возвращаться в Тарбагатай вскоре после занятия края китайцами. Широко участвуя в торговле, казахи проживали и в городе, чему в известной степени способствовали смешанные браки с узбеками и татарами. Торговцы из Кашгарии жили обособленной группой, и в конце XIX в. имели свою мечеть, своего аксакала и казия.

В начале XX в. в Чугучаке было семь мечетей, более 400 магазинов и лавок (около одной трети их принадлежало российским подданным, остальные — кашгарцам, дунганам и китайцам), более 40 мельниц и т. д. (в «Таварих-и хамса» истории и жизни Чугучака отведено около 30 страниц).

³ «Таварих-и хамса-йи шарки», Казань, 1910, стр. 17—19. Текст везде переведен автором.

⁴ Об этом медресе автор сообщает, что при сыне мударриса Мухаммед-Садыка Шейхуль-исламе, вызванном из Кышкара (Казанский уезд) после смерти отца и заступившем на его место, медресе «опустилось» до уровня школы, а после смерти последнего (1889 г.) перестало быть даже школой и пришло в полное запустение («Таварих-и хамса», стр. 411).

Жизнь в непосредственном общении с казахами, уйгурами и представителями других народов породила в Курбангали, отличавшемся той наблюдательностью и тягой к знаниям, мысль о необходимости систематического сбора всевозможных сведений по истории и образу жизни этих народов. Он часто посещал казахские аулы и разные города края в дальнейшем специально ездил собирать материалы и непосредственно на местах изучал общественную жизнь и быт населения, заводил знакомства со сведущими людьми. Знание языка, обычаев и нравов казахов, уважение к людям самых различных кругов, с которыми он встречался, помогали К. Халиди быстро завоевывать доверие местного населения.

Большое значение придавал К. Халиди сбору и обработке генеалогий и других устных исторических сведений о народах, не имевших своих письменных источников. Однако он подходил к источникам такого рода с осторожностью и считал необходимым проверять содержащиеся в них данные материалами, полученными другими способами.

В 1874 г. Курбангали-кари⁵ стал имамом одной из мечетей г. Чугучака и оставался в этой должности до конца своей жизни, т. е. до 14 марта 1913 г. С 1881 г. он стал также и судьей (кази) для мусульманской части жителей города и окрестных степей, за исключением дунган, которые имели свою соборную мечеть, своего имама и кази.

Хотя Курбангали жил вдали от культурных центров российских мусульман, он не был оторван от культурной жизни своего времени; ученый регулярно выписывал книги, газеты и журналы, издававшиеся в России в конце XIX и начале XX в. на тюркских языках. Особенно любил он читать журнал «Шуро», который с 1908 по 1917 гг. выходил два раза в месяц в Оренбурге на татарском языке. Курбангали переписывался с ответственным редактором этого журнала известным историком Ризааддином Фахреддиновым. Он выписывал историческую литературу и периодические издания также из Стамбула.

Незнание русской грамоты лишало Курбангали возможности прочесть труды русских востоковедов того времени в оригинале. С ними он знакомился лишь через татарскую печать, главным образом периодическую. Однако достижения русской ориенталистики стали отражаться в татарской литературе лишь с начала XX в., т. е. в последние годы жизни К. Халиди. В «Таварих-и хамса», объясняя происхождение названий городов Баласагун и Кашгар, он упоминает о своей встрече с Н. Ф. Катановым. В одном месте упомянутой работы он пишет: «Выше, в разделе о Дурбунджуне, следуя Катанову, я писал, что Губалык — это Урумчи, а Баласагун — Кашгар. При всем моем преклонении перед знаниями Катанова в исторических и географических науках, я в данном случае сообразил, что он говорит, основываясь на сведениях, доставленных упомянутыми выше господами-путешественниками, и не сумел дать изложение истинных и достоверных сведений. В то время у меня не было под рукой равносильного его доводам аргумента, и я был вынужден умолчать, не сказав ни да, ни нет. И вот только теперь я сумел написать об этом правду»⁶. В других местах «Таварих-и хамса» Курбангали упоминает академика В. В. Радлова и А. Вамбери и как бы в ответ на их мнение по тому или иному вопросу излагает свои соображения. По какому переводам он читал труды этих востоковедов — остается неизвестным. Возможно, он познакомился с ними по турецким переводам или же через татарскую печать.

Неотъемлемую сторону деятельности Курбангали составляли путешествия. Его сообщения по географии и топонимике края, по истории городов, укреплений и крупных поселений основывались, главным обра-

⁵ Кари — титул человека, знающего наизусть Коран; букв. чтец.

⁶ «Таварих-и хамса», стр. 677—680.

зом на личных наблюдениях и беседах с местным населением, а также на составленных им самим летописных материалах обо всех политических, военных и других событиях в жизни отдельных районов и городов. Он пользовался также услугами и отдельных лиц, которые в письменной форме предоставляли ему сведения по разным интересовавшим его вопросам. В частности, житель г. Каркаралинска (Каркаралы) мулла Юлдашбай Джаухари (родом из Бухары) прислал ему обстоятельное описание географических условий, экономики и истории города и округа Каркаралы⁷. Эти же данные были использованы им для характеристики гипсометрических особенностей Центрального Казахстана и объяснения генезиса его названия «Арка»⁸. Изредка в руки Курбангали попадали литературные источники и документы, проливающие свет на отдельные моменты истории того или иного народа или характеризующие деятельность его правителей.

В 1897—1898 гг. Курбангали совершил паломничество в Мекку и Медину с заездом в столицы нескольких стран Западной Европы, а также во многие города Ближнего Востока. Путевые заметки, а также воспоминания об этом путешествии, составляющие 90 страниц, включены им в «Таварих-и хамса». В них содержатся разнообразные сведения и любопытные сравнительные материалы, главным образом из области этнографии и терминологии.

По пути на хадж⁹ в 1897—1898 гг. он познакомился в Стамбуле с одним из наиболее передовых просветителей Турции того времени историком Ахмедом Мидхатом и имел с ним беседы, которые обогатили его знания в области истории и других гуманитарных наук.

Курбангали был предельно скромным человеком. Он умел высоко ценить услуги других людей, например своих информаторов, многие из которых были знакомы с ним лишь заочно¹⁰.

Первую свою работу «Тарих-и джарида-йи джадида» Курбангали написал на основе путевых записок и материалов, добытых во время путешествия, предпринятого в 1885 г. из Чугучака в глубь Восточного Туркестана, вплоть до г. Куны-Турфан.

В этом сочинении (объем 71 стр.), написанном на книжном турецко-татарском языке, дана краткая географическая и историческая характеристика встречавшихся автору населенных пунктов и их окрестностей, описаны занятия населения; объясняются отдельные топонимы и местные термины. Особое внимание уделено таким архитектурным сооружениям и памятникам, как гробницы, мечети и иные «святые» объекты, а также жизнеописаниям самих «святых», почерпнутым из уст местных ученых богословов, старых книг и документальных источников, представленных в распоряжение автора хранителями мазаров и местным духовенством. Самым примечательным из описанных объектов, несомненно, является гора близ г. Турфан; здесь в пещере, по преданию, в древние времена нашли приют семь «святых» отроков (асхаб-и кахф).

В предисловии к книге Курбангали сетует на то, что население Алтышара¹¹, подвергавшееся со времени принятия ислама бесконечным нападениям и перенесшее бесчисленные мятежи, раздоры и иные испытания, совершенно не знает истории своей страны.

⁷ «Таварих-и хамса», стр. 428, 445.

⁸ Там же, стр. 482.

⁹ При всей его набожности, неизвестно, входил ли он в какой-нибудь из действовавших в то время суфийских орденов. Судя по тому, что ни в изданных книгах, ни в рукописях К. Халиди не обнаружено ничего, что указывало бы на его принадлежность какому-нибудь суфийскому ордену, можно полагать, что он ни в одном из них не состоял.

¹⁰ «Таварих-и хамса», стр. 4, 228—229.

¹¹ Алтышар (Кашгария, Малая Бухария) — букв. Шестиградье — область Восточного Туркестана, управлявшаяся из шести административных центров: Кашгар, Янсыр, Якенд, Хотан, Аксу и Уштурфан.

Ознакомившись с содержанием одной вакуфной грамоты, Курбанли установил, что г. Турфан в прошлом был столицей и местопребыванием султанов. В те времена в городе были и историки-летописцы, однако их книги исчезли в периоды междоусобиц и войн с чужеземными хатчиками.

Содержащиеся в этой книге К. Халиди сведения безусловно могут послужить ценным материалом как для историков и этнографов, так для археологов.

Курбангали стал известен как историк благодаря своей второй книге «Таварих-и хамса-и шарки», законченной в 1909 г. О ней в некрологе к кончине автора, опубликованном 15 марта 1913 г. в журнале «Шур» (№ 6, стр. 163), сказано: «В 1910 г. в Казани вышла из печати и распустилась его вторая, большая «История» под названием «Таварих-и хамса-и шарки», посвященная восточным тюркам... Книга эта, если исключить отдельные элементы, относящиеся к области мифологии и поверий, поистине прекрасный труд. В ней много весьма полезных и много больше не встречающихся сведений. Книга свидетельствует об ученых достоинствах автора, о чистоте и свободе его мысли и разума».

Отдельные части этой книги посвящены истории Ферганского (Икандского) ханства, Алтышара, казахского и киргизского народов, кумыков-джунгар. Наиболее значительная как по объему, так и по содержанию часть посвящена казахам. Большой раздел в книге составляют дополнения, в которых приводится масса сведений по истории и географии Казахстана и Восточного Туркестана, по истории городов, а также материалы по этнографии и истории казахов, дунган, чалаказак¹² и других народов. Относительно названия книги и ее основного содержания автор говорит: «Хамса» («Пятирица») и «Таттима» («Дополнения») составляют одну книгу, однако в «Хамса» изложены основные, первичные сведения о пяти главных группах¹³, а в «Таттима» приводятся данные о некоторых городах, основанных до 1300 г. (т. е. 1882—1883 гг. по христианскому летоисчислению.— *Дж. К.*), а также о событиях, происшедших в течение ряда лет и после этой даты — до самого момента написания нашей книги. Поэтому мы разделили их (эти материалы.— *Дж. К.*) на две, а с «Приложением» «Такмиля» — на три части. Ищущий основу какой-либо информации пусть обратится к «Хамса», ищущий сведения по частным, второстепенным вопросам — к «Таттима», а кому нужны сводные данные — к «Такмиля». В связи с тем, что в «Такмиля» дано подробное изложение истории восточных народов, к названию «Хамса» мы присоединили определение «шарки», отчего получилось название книги «Хамса-и шарки» — «Восточная пятирица»¹⁴.

По определению самого К. Халиди, его труд в основе своей представляет сборник материалов. Обращает на себя внимание чрезвычайная широта интересов автора и его исследовательский подход к освещаемым вопросам. В частности, этнографическое явление он не просто описывает как посторонний наблюдатель, а анализирует, стремится постичь эти явления в динамике, в историческом развитии.

Принцип историзма и аналитический подход к освещаемым явлениям прослеживаются в разделах, посвященных отдельным вопросам.

Следует особо отметить объективность автора в изложении фактов и событий, стремление дать им логически обоснованное объяснение. Приводя этнографический материал, он проявляет понимание духа народа

¹² Чалаказики — особая этническая группа, образовавшаяся от браков пришлых узбеков и татар с местными казашками. У К. Халиди им посвящен специальный очерк («Таварих-и хамса», стр. 384—391).

¹³ В «Пятирицу» в качестве одной из пяти основных ее единиц автор включает сословие «тюре», рассматривая его как особую группу, не родственную по этническому происхождению коренному населению края, и имеющую свою особую генеалогию («Таварих-и хамса», стр. 266).

¹⁴ «Таварих-и хамса», стр. 288

уважение к его культуре, обычаям и нравам, глубокое понимание взаимосвязи исторических судеб каждого народа с условиями его жизни и особенностями быта.

Оценивая культурный уровень и умственные способности казахов, Курбангали пишет: «Мудрецы делят ум на две категории и одну из них называют природным умом (в отличие от ума, приобретенного через науку.— *Дж. К.*). У казахов ум, хотя и не приобретен через науку, т. е. хотя они и не изучали этики и правил поведения, но своим рассудком и умом прекрасно отличают доброе от дурного. Поэтому их не следует называть дикими кочевниками, а будет правильно и уместно называть людьми природной культуры». Далее, в подтверждение этой мысли приведены стихотворные изречения:

«Престиж родины не влияет на способности личности,
Как с золота не сходит блеск от лежания в пыли,
Как невежда не станет совершенным от проживания в городах
Так мудрец не станет неучем от скитаний в пустынях.
Сколько горожан мы видим с обликом дикаря
И сколько кочевников видим с мудростью Платона»¹⁵

К трактовке некоторых вопросов и объяснению причин отдельных явлений автор как правоверный мусульманин и ученый богослов, разумеется, подходит с позиций проповедника ислама, проявляя подчас односторонность и придавая слишком большое значение роли религии. Но вместе с тем мы встречаемся в его сочинении и с глубоко отрицательным отношением к деятельности «духовных наставников» казахского народа — невежественных самозванных мулл из татар и «законных» указных мулл. В специальном параграфе дана правдивая, разоблачающая характеристика этих служителей культа и сделана попытка объяснить все возрастающую ненависть к ним со стороны населения.

Читая его полное глубокого возмущения и боли повествование о муллах, нельзя не заметить, как голос К. Халиди перекликается с еще более гневным, протестующим и требовательным голосом его предшественника, казахского ученого-ориенталиста, просветителя и демократа Чокана Валиханова, который пишет о том же бедствии в своем труде «Записка о судебной реформе»¹⁶.

Оба автора, говоря о тлетворном влиянии невежественных татарских мулл, призванных царским правительством для «просвещения» казахского народа, одновременно требуют изъятия из сферы их деятельности такого важного общественного дела, как брак и развод, и передачи его суду биев, как это было раньше¹⁷. Ч. Валиханов умер за 30—40 лет до того, как была написана книга К. Халиди; уже после его смерти Область сибирских казахов вышла из-под ведения муфтия, институт указных мулл был упразднен. Однако и после этого, по свидетельству К. Халиди, дело с народным просвещением и «духовным воспитанием» в степи лучше не стало.

Что же касается вопросов о вере казахов, необходимости проведения реформ в религиозной области, то здесь взгляды этих двух авторов диаметрально противоположны. Они расходятся в определении религиозной принадлежности казахов. К. Халиди считает их «в полном смысле мусульманами с крепкой верой и твердыми убеждениями»¹⁸. В пользу идеи об истинном мусульманстве казахов он приводит такой довод: «...говорят, что из-за отсутствия мечетей и школ они слабы в вере. Но отсутст-

¹⁵ «Таварих-и хамса», стр. 215, 216.

¹⁶ Ч. Ч. В а л и х а н о в, Собрание сочинений в пяти томах, т. I, Алма-Ата, 1961, стр. 518, 519.

¹⁷ Там же, стр. 513; «Таварих-и хамса», стр. 168, 170.

¹⁸ «Таварих-и хамса», стр. 165.

вие языческих храмов (бутхана — идолохранилищ) и кабаков покрывает эти два недостатка»¹⁹. Тут проявилось незнание автором различий между шаманством, которому не свойственно возведение идолохранилищ, и буддизмом и ламаизмом. К тому же, говоря о казахах-кочевниках как о мусульманах, у которых в социальной жизни и идеологии болшее место занимало обычное право, К. Халиди исходит лишь из «крепости веры». Он не считает для них обязательным следование шариату общественной и семейной жизни и исполнение всех молитв и мусульманских обрядов. Что же касается Ч. Валиханова, то он полагал, что казахи так называемой Области сибирских киргизов «до вступления в русское подданство были мусульманами только по имени... Мусульманские законы никогда не были приняты киргизами (в данном случае имеют в виду казахи.— Д.ж. К.) и были введены в степь путем правительственной инициативы, вместе с бюрократическими прелестями внешней приказов»²⁰.

К. Халиди, закрывая глаза на очевидное несоответствие догм ислама и требований шариата древним традициям казахов, считал, что казахов надо вводить в лоно ислама постепенно, умело приспособлявая к их образу жизни, к нормам их взаимоотношений и обычного права, психологии и т. д. Валиханов же, убежденный противник религиозного одурманивания пробуждающегося народа любым вероучением, требовал максимального ограничения наступательного движения ислама в степи и выдвигал ряд практических мероприятий по духовному управлению казахской степи:

1) отделить казахов от ведомств Оренбургского муфтия и назначить им особого областного ахуна;

2) в звании мулл утвердить коренных казахов;

3) назначать не более одного муллы в округах, а в волостях эту должность упразднить и т. д.

Однако, как показал ход событий в дальнейшем, и эти мероприятия не принесли желаемых результатов — казахи продолжали прозябать в невежестве и «оставаться в двоеверии», по выражению Ч. Валиханова или, по словам Халиди, между двух законов: обычного права и шариата.

К. Халиди обладал самой ценной для историка-летописца чертой — умением реалистически смотреть на происходящие события и стремлением дать им объективную оценку. От него не ускользают такие острые моменты жизни современного ему общества, как вопрос о религии казахов, все усугубляющиеся социальные противоречия и т. д. Широта кругозора и ясность ума позволили Курбангали преодолеть ограниченность круга интересов, характерную для рядового представителя татарского духовенства.

К. Халиди интересуется языком каждого народа, с которым он знакомит читателя. Особо останавливается он на лексике и терминологии и, опираясь на свои знания тюркских языков, а также арабского и персидского, делает попытки, большей частью весьма удачные, объяснить этимологию или происхождение тех или иных слов и терминов. Нельзя, однако, не отметить того, что автор иногда преувеличивает значение арабского языка в обогащении лексики казахского языка, особенно в выработке терминов.

Основная масса этнографических и исторических сведений и материалов, приведенных в указанном сочинении К. Халиди, относится к казахам.

Во вступлении к главе, посвященной генеалогии и истории казахов, Курбангали сообщает читателю, что его побудило к написанию этой ра-

¹⁹ «Таварих-и хамса», стр. 218.

²⁰ Ч. В а л и х а н о в, Указ. раб., т. I, стр. 518.

боты отсутствие специальных сочинений по истории казахов. «В силу этих обстоятельств сей бедняк, — пишет он, — приложив большое усердие, в течение двадцати с лишним лет самоотверженно собирал сведения, имеющие отношение к данному вопросу, подбирал соответствующие литературные источники, систематизировал все это и (в конечном итоге. — Дж. К.), сняв сливки с них, поместил в этой книжке. Насколько удачным получился наш тяжкий труд — будет видно здравомыслящим после его опубликования»²¹.

В разделах книги, посвященных истории казахов, автор освещает следующие вопросы: предания об именах *алаш, узбек, казак, ногай*; о наименовании «жуз»; об уранах; о единстве и позднейшем разделении ногаев и казахов; о генеалогии казахов; об археологических и архитектурных памятниках на территории Центрального и Северного Казахстана; о Чингис-хане и его потомках; о казахских ханах; об Аблай-хане; Абульфеиз-хане; об Асан-ате и его изречениях; о выборах ханов; о тюре и туленгутах; о присоединении казахов Среднего жуза к России и основании административных округов, укреплений и городов; об истории образования этнической группы чалаказак; о деятельности в степи татарских самозванных и указных мулл и др.

Топонимический материал по Казахстану рассматривается в непосредственной связи с физической и исторической географией страны, а также с особенностями языка. Казахскому языку, поэзии, специфическим особенностям речи и т. п. в книге отведены десятки страниц.

Этнографические очерки Курбангали по казахам большей частью касаются духовной культуры (обычаев, обрядов, верований, народных знаний, поэзии и др.). Встречаются также интересные данные по материальной культуре (например, целый параграф, посвящен кумысу). В книге приведены ценные сведения об одежде, утвари, скотоводческом хозяйстве. Большой интерес представляют данные о расселении и генеалогии отдельных групп. Достойны внимания и высказывания по методике сбора исторических и этнографических полевых материалов.

Весьма подробно описан обряд сватовства и свадьбы. Это семейное празднество казахов изучалось многими этнографами до К. Халиди и после него. Естественно, что каждый из исследователей, занимавшихся этим вопросом, в своем сочинении подчеркивает те моменты, которые, с его точки зрения, заслуживают большего внимания. В частности, известный казахский просветитель, педагог и этнограф Ибрай Алтынсарин в описании как свадебного, так и погребального обряда особое внимание обращает на экономическую сторону, стремится показать отрицательные, пережиточные элементы в них. Так, сравнивая стоимость калыма и приданого, он поясняет, что стороны жениха и невесты несут почти одинаковые расходы. Однако с хозяйственной точки зрения стоимость приданого обычно ничтожна по сравнению с калымом, ибо невестка приносит в дом свекра вещи, хотя и дорогостоящие, но не имеющие первостепенного значения в повседневном быту. К тому ж почти половина этих вещей вскоре по прибытии молодой в дом свекра (мужа) переходит к родным мужа, внесшим свою долю в уплату калыма²².

К. Халиди рассматривает размеры калыма во всех вариантах, пропорциях и эквивалентах. Он обстоятельно освещает обрядовые подробности казахской свадьбы, сравнивая их со свадебными обрядами у татар, уйгур и узбеков. В «Таварих-и хамса» сказано, что у казахов «не в обычае ухаживать за женихом, оказывать ему почет и уважение и угощать его (как это свойственно татарам. — Дж. К.). Даже хуже того, если заметят со стороны жениха малейшую невежливость, то тетки невесты

²¹ «Таварих-и хамса», стр. 140.

²² И. Алтынсарин, Очерк обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского ведомства, «Записки Оренбургского отдела РГО», Казань, 1870, вып. 1, стр. 113, 116.

могут оскорбительно обругать его... и даже дать ему пощечину»²³. Далее приведено признание известного тогда Барак-батыра о том, как туго ему пришлось при первом посещении невесты: «Не трусил я, когда оставался один в окружении несметных врагов; но когда женихом ездил к невесте и увидел толпу женщин, идущих на меня, у меня сердце дрогнуло. Потому что с врагом биться можно, а перед женщинами нельзя ничего сделать, кроме как, согласно обычаю, стоять, склонив голову»²⁴.

Отмечая сущность свадьбы как сделки между родителями жениха и невесты, К. Халиди говорит: «Хотя невесту провожает каждый сообразно своему достатку — богачи по-богатому, бедные по-бедняцки, но первейшим условием у всех является отправление невесты с приданым, соответствующим полученному калыму. Если приданое окажется не соответствующим калыму, это может вызвать обиду и даже скандал»²⁵. Это свидетельство К. Халиди имеет большое значение для теоретической разработки проблемы о сущности институтов калыма и приданого. Оно показывает, что мнение о большем размере калыма (по сравнению с приданым) у кочевников, в частности у казахов²⁶, должно быть пересмотрено.

Рассматривая размеры и состав приданого у богатых невест, К. Халиди указывает, что главный предмет приданого саукеле (головной убор невесты и новобрачной) уже почти исчез; его заменяют теперь швейной машиной, самоваром и тому подобными вещами²⁷. У Алтынсарина, поскольку его сведения относятся к более раннему периоду, саукеле еще фигурирует как главная ценность в составе приданого.

На материале этих двух авторов прослеживается постепенное отмирание еще одного древнего элемента свадебного ритуала, а именно: поклонения огню, в который новобрачная подливает масла по прибытии в аул мужа и вступление в дом свекра. И. Алтынсарин пишет: «Как только она (новобрачная.— *Дж. К.*) вошла (в юрту свекра.— *Дж. К.*), — тот час же обязана сделать коленопреклонение (салем) три раза до очага затем на разложенный посередине кибитки огонь должна вылить поданный ей в эту минуту ковш сала»²⁸. К. Халиди же об этом акте говорит «В недалеком прошлом было у них в обычае подливать масло в огонь (по прибытии в дом свекра.— *Дж. К.*) и поклоняться этому огню; но в настоящее время этот безобразный обычай отпал»²⁹.

К. Халиди приводит полный цикл бытовавших в ту пору свадебных песен («Жар-жар» и «Беташар»), записанных им из уст известного акына Асета. Вслед за описанием свадьбы он рассказывает о выделении женатых сыновей с выдачей им «енши» (надела), о передаче замужним дочерям причитающихся им енши, о значении для всех детей родительского дома, который наследует самый младший сын, и особо о положении невестки в семье³⁰.

С подлинным мастерством Курбангали описывает сложные обряды похорон, проведения траурного года и поминок по умершим³¹. Эти обряды описаны многими авторами, но по всесторонности, глубине содержания и анализу материал К. Халиди уступает разве только великолепным описаниям этих обрядов в казахской художественной литературе. Курбангали отмечает древность обычая устраивать пышные поминки. Он пытается вникнуть в причины возникновения этого обычая. Он приз-

²³ «Таварих-и хамса», стр. 512.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, стр. 513.

²⁶ См. подборку материала в книге Н. А. Кислякова «Семья и брак у таджиков» (ТИЭ АН СССР, нов. сер., т. XLV, М.— Л., 1959, стр. 157—159).

²⁷ «Таварих-и хамса», стр. 514.

²⁸ И. Алтынсарин, Указ. раб., стр. 115.

²⁹ «Таварих-и хамса», стр. 519.

³⁰ Там же, стр. 514—522.

³¹ Там же, стр. 491—501, 670—672.

нает, что поминки служат как бы показателем богатства усопшего и его детей, от которых, как и от других родственников, они требуют больших затрат и усилий. Автор подробно описывает скачки, являвшиеся непременным и самым дорогостоящим компонентом поминок по состоятельному или знатному мужчине, ибо на скачках победителям назначаются баснословно дорогие призы. Автор отмечает, что «приз большей частью назначается из девятки... Если началом девятки является жамбы (слиток серебра) или верблюд, то к нему присоединяют еще восемь голов скота или восемь вещей...»³².

К. Халиди полагает, что обычай устраивать поминки со скачками, когда собирается очень много людей, живущих разобщенно, небольшими группами, способствует их сближению, устранению раздоров и конфликтов и т. д.

Проследивая эволюцию поминок, К. Халиди отмечает, что у казахов — это строго соблюдаемый и тщательно справляемый древний обычай. Он усердно исполнялся до и после 1200 г. хиджры (1785—1786 гг.) и особенно в 1280—1300 (1863—1882) годах... Однако в конце столетия (1200 г. хиджры) и начале 1300-х годов племена аргын и алшын упразднили этот обычай; у найманов тоже после 1300 г. поминки стали устраивать все реже и реже...³³. Одной из причин изживания поминальных обрядов К. Халиди считает ослабление в ту пору сплоченности между людьми в связи с изменившимися условиями общественной жизни (борьба за власть, т. е. споры и распри за должность волостного правителя, появление конкурирующих партий и т. п.). Другую причину он видит в усилении влияния мулл, которые «впадая в алчность, стали давать заключение о недозволенности поминок и раздувать этот вопрос; всякими неуместными сравнениями и суждениями они прожужжали уши народных масс...»³⁴. Сам К. Халиди придерживается нейтральных позиций; «Обычай устраивать поминки... существует у всех народов... Так, почему же некоторые наши муллы считают недозволенным делом поминки у казахов и ничего не говорят о поминках у татар и сартов?... Их доводы и претензии бессильны сдвинуть с места вопрос и решить его с принципиальных позиций: поминки или должны быть дозволены всем или запрещены для всех. Следовательно, мы не осуждаем тех, кто устраивает поминки, и не поощряем тех, кто этого не делает, ибо и тем и другим путь открыт...»³⁵.

О том, что же побудило его написать об этом общеизвестном и повсеместно распространенном обычае, К. Халиди сообщает так: «... на протяжении последних 15—20 лет он идет к упадку и во многих местах вовсе оставлен. Основываясь на этом, можно предположить и даже ожидать, что через некоторое время он во всем Казахстане останется как особая статья обычного права, еще дальше — отойдет в область преданий и легенд и в конце концов полностью исчезнет и сотрется в памяти людей. Поэтому, ввиду очевидности такой судьбы у этих явлений, будет небесполезным оставить подобные записи старины. Умные люди, пожалуй, нас за это не осудят»³⁶.

³² В своей работе «Очерк обычаев при похоронах и поминках у киргизов Оренбургского ведомства», опубликованной в «Записках Оренбургского отдела РГО» (Казань, 1870, вып. 1, стр. 120), И. Алтынсарин также особо подчеркивает разорительность поминок и приводит пример: «...на поминках одного известного мне богача зарезано было до 100 лошадей и более того баранов, употреблено 30 пудов сорочинской крупы (риса) и 10 пудов кишмишу; гостей же было столько, что они помещались в 200 кибитках; кроме того, на призы при скачке: первой лошади было назначено 40 лошадей и 4 верблюда и т. д.».

³³ «Таварих-и хамса», стр. 499.

³⁴ Там же, стр. 500.

³⁵ Там же, стр. 501.

³⁶ Там же, стр. 500.

Казахскому народному календарю, теснейшим образом связанном с кочевым скотоводческим хозяйством, автор отводит 13 страниц в своей книге. Он подробно объясняет счет месяцев и наличие хозяйственно важных и «критических» дней в каждом месяце, связываемых с моментами встречи (совмещения) Луны с созвездием Плеяд («тогам») и другими небесными явлениями. Казахский календарь К. Халиди сравнивает с народным календарем других народов, он приводит предания, поговорки, отдельные выражения на казахском и персидском языках, имеющие отношение к счету месяцев.

Объем статьи вынудил нас ограничиться лишь беглым изложением содержания очерков и записей К. Халиди по этнографии казахского народа. Было бы целесообразно опубликовать их полностью в переводе на казахский и русский языки.

* * *

Изучение истории и этнографии казахского народа, где еще имеется немало белых пятен, требует выявления и исследования всех имеющихся литературных и документальных источников. Причем особо ценными могут оказаться источники, оставленные местными авторами, ибо они, как правило, содержат много фактического материала, летописных данных, генеалогических сведений. Эти сведения, как и вообще все духовное наследие прошлого, требуют, разумеется, сугубо критического отношения к себе, изучения их со строго научных, марксистских позиций. К числу таких источников и относится книга Курбангали Халиди «Очерки истории пяти восточных народов» — свод разнообразнейших данных по различным областям современной ему жизни (вторая половина XIX — начало XX в.) казахов и ряда других народов и этнических групп.

Благодаря тщательному сбору устных и письменных источников К. Халиди удалось обстоятельно осветить историю и этнографию казахского народа. Хотя автор принадлежал к сословию мусульманского духовенства, он, как историк, сумел подняться на голову выше уровня своих коллег и выйти далеко за рамки ограниченности рядовых служилых культов. При умелом использовании материалов К. Халиди хорошо подготовленный исследователь сможет извлечь из них большое количество интересных и нужных сведений.
